

— Ну правда же! Мы тебя умоляем! — Ю Сань состроил жалобную мину. Он уже совершенно не понимал, как реагировать на непроницаемую маску равнодушия, за которой Юй Шэнь так искусно прятал свои мысли. — На весь Старый кампус остались только эти сто жетонов, что сейчас у тебя. Если ты откажешься играть, нам конец. Нас просто уничтожат!

— Прости, мы вовсе не хотели втягивать тебя во всё это, — попыталась воззвать к его здравому смыслу Фан Тин. — Но ты действительно... наша последняя надежда.

— К тому же, — едва она умолкла, тут же влез Ю Сань, — ты теперь официально зачислен в нашу школу. А значит, требования Нового кампуса распространяются и на тебя тоже. Неужели ты позволишь этим выскочкам вытирать о себя ноги?!

Они наседали на Юй Шэня вдвоем, засыпая его доводами и мольбами, пока у того не разболелась голова. В конце концов, поняв, что без твердого ответа от него сегодня просто не отстанут, он сдался.

— Я понял, — бросил он.

— Дайте мне сначала поговорить с завучем.

Слова о разговоре с завучем были для Юй Шэня не более чем предлогом выиграть время. Однако тот наотрез отказался подписывать заявление об отчислении. Более того, он лишь усугубил и без того скверное положение, переложив на плечи парня куда более серьезную проблему.

Юй Шэню явно претило подобное навязывание условий.

— Я требую встречи с директором, — холодно произнес он.

Завуч сжался еще сильнее, его лицо сморщилось, став похожим на сушеную сливу.

— Это... это невозможно. Наш директор сейчас в Новом кампусе, дорога оттуда займет уйму времени. Да и на звонок он сейчас вряд ли ответит...

— К тому же, — торопливо добавил он, — господин директор прекрасно знает о Студенческой войне и полностью её одобряет...

Юй Шэнь промолчал.

Завуч выглядел жалко, заискивал и не смел поднять глаз, но его упрямство напоминало въедливую смолу — от него невозможно было отделаться, он стоял на своем насмерть.

Студенты Старого и Нового кампусов буравили друг друга яростными, презрительными взглядами. Взаимная неприязнь едва не высекала искры, но в силу обстоятельств все сдерживали гнев. В зале воцарилась гнетущая, неестественная тишина.

В этот момент Лян Циншу, который до сих пор молча наблюдал за происходящим, неторопливо поставил свой термос — похоже, с горячим чаем было покончено. В его глазах блеснул искренний интерес.

— Хочешь увидеть директора? — с вежливым любопытством спросил он.

Юй Шэнь перевел на него взгляд. В застывшем безмолвии актового зала мягкий, размеренный голос Лян Циншу прозвучал неожиданно отчетливо.

Тот сидел, откинувшись на мягкую спинку кресла, совершенно расслабленный, аккуратно сложив ладони на коленях. Он говорил с таким видом, словно оценивал забавное представление бродячих актеров. Это высокомерие, сквозившее в каждом жесте, мгновенно вызвало у Юй Шэня глухое раздражение.

Человеческая интуиция — штука тонкая: она не только безошибочно указывает на тех, кто нас недолюбливает, но и заставляет инстинктивно отторгать подобных людей. Юй Шэнь прекрасно уловил скрытую неприязнь оппонента, а потому не собирался церемониться в ответ.

— Допустим, хочу, — огрызнулся он. — И что? Устроишь аудиенцию?

— Разумеется, могу, — Лян Циншу снисходительно усмехнулся. На мгновение показалось, что он готов согласиться, но в следующую секунду его тон изменился. — Только вот я уже отказал тебе от его имени.

— ...

— Из-за какого-то пустякового поединка тревожить пожилого человека? Какая нелепость, — Лян Циншу лениво очертил пальцем ободок термоса. — Мы ведь не собираемся издеваться над тобой и подсовывать тесты на знание китайского академического уровня. Совсем наоборот: условия каждого раунда утверждаются обеими сторонами.

Он улыбнулся, но его взгляд оставался холодным, как лед.

— Раз уж мы пошли на такие уступки, а ты всё ещё малодушно пятишься... Может, дело в обычном страхе? Боишься с треском проиграть?

Слова о «знании китайского» он выделил особой интонацией, превратив их в откровенную насмешку.

— Я боюсь проиграть?

— А разве нет? — Лян Циншу отвернулся, словно окончательно потеряв к нему интерес. — Старый кампус уже потерпел поражение. Твоё появление лишь дало им шанс на дополнительное время, и это само по себе огромная щедрость с нашей стороны. Но вместо того чтобы принять вызов, ты судорожно пытаешься отчислиться. Какое ещё объяснение этому может быть, кроме трусости?

Это был неприкрытый, хлесткий вызов. Фан Тин вспыхнула от ярости и уже собиралась сорваться, но Ю Сань вовремя удержал её за локоть, отрицательно покачав головой.

И не только она — все присутствующие заметили, как у Юй Шэня гневно дернулась жилка на виске. Но он не взорвался. Напротив, на его губах заиграла опасная усмешка.

— А ты чертовски самоуверен, — обронил Юй Шэнь.

— Нашему старосте неведомо поражение, с чего бы ему сомневаться в себе? — Лян Циншу не успел ответить — вперед влез крутившийся рядом Гао Хань. — Чего не скажешь о вашем Старом кампусе. Сегодня должен был состояться финальный бой, а вы додумались до гениального плана — просто не прийти на занятия! Надеялись отсидеться и сберечь жетоны? И даже так умудрились всё спустить. Ну не жалкое ли зрелище?

Юй Шэнь покосился на Фан Тин и Ю Саня. Увы, слова Гао Ханя били не в бровь, а в глаз. Под его тяжелым взглядом Фан Тин густо покраснела и виновато опустила голову.

Юй Шэнь мысленно вздохнул. Значит, сдались без боя. До какого же отчаяния нужно было довести Старый кампус, чтобы они пошли на столь нелепый шаг.

— Хорошо, спрошу прямо, — Юй Шэнь прищурился. — Если я выиграю этот раунд, твоё дебильное требование о рабстве будет аннулировано?

Он не называл имен, но все понимали, что вопрос адресован лично Лян Циншу.

— Само собой, — Лян Циншу изящно изогнул бровь. Этот легкий жест придал его на удивление правильным, красивым чертам лица почти магнетическое очарование. — Стоит тебе победить, и я обещаю относиться к тебе как к равному.

«Чертовски красив, просто глаз не оторвать. И при этом редкостная дрянь».

Именно таким было первое и самое стойкое впечатление Юй Шэня о Лян Циншу.

Как только стороны скрепили уговор, толпа студентов внизу оживилась. Закипела работа, и вскоре малый актовъй зал превратился в импровизированную арену.

Поскольку Юй Шэнь владел китайским весьма посредственно, стандартные интеллектуальные дисциплины отпадали сами собой. В итоге сошлись на самом нейтральном варианте — бросить жребий.

Изначально Юй Шэнь намеревался предложить дуэль на скрипках. Музыка была его стихией, его абсолютным оружием, и в своем мастерстве он не сомневался ни на секунду.

Однако Лян Циншу отмёл это предложение без колебаний.

— Исключено, — отрезал он. — Среди нас нет профессиональных скрипачей.

Юй Шэнь искренне удивился.

— А сам ты разве не играешь?

— Ну... играть-то я умею, — в голосе Лян Циншу впервые скользнула мимолетная заминка, — но до виртуозности мне далеко.

Стоявший рядом Гао Хань недоуменно моргнул. Что за вздор? Он ведь прекрасно знал, что их староста великолепно владеет смычком и упражняется каждый божий день.

— И как быть? — спросил Юй Шэнь. — Для спортивных состязаний сейчас тоже не лучшие условия.

В разговор робко вмешался завуч:

— В нашем арсенале есть множество игр, не требующих специальной подготовки или глубоких знаний. Если вы не против, мы можем выбрать что-то из них. Это гарантирует равные шансы для обеих сторон.

Другого выхода действительно не виделось. Юй Шэнь неохотно кивнул. После пары бросков костей выбор пал на Парный покер.

Со стороны Старого кампуса к столу, разумеется, вышел Юй Шэнь. Но его соперником стал

вовсе не Лян Циншу, а вертевшийся подле него Гао Хань.

— Будь предельно осторожен, — перед началом раунда Фан Тин торопливо шепнула Юй Шэню на ухо. — Пусть этот Гао Хань кажется шутком, в картах он настоящий дьявол.

— Он жульничает? — прямо спросил Юй Шэнь.

— Почти наверняка, — Фан Тин озабоченно нахмурилась. — Он не проиграл ни единой партии в жизни. Такого просто не бывает без грязной игры. Но правила Студенческой войны суровы: не пойман — не вор. Так что гляди в оба.

Завуч, взявший на себя роль крупье, занял место у игрового стола и кашлянул, привлекая внимание.

— Правила нашего Парного покера несколько отличаются от классических. Позвольте мне вкратце их изложить.

— Мы используем стандартную колоду из пятидесяти четырех карт. Оба джокера остаются в игре и служат «дикими картами», способными заменить любую другую карту в комбинации.

— Сначала броском костей определяется дилер. Получив это право, он сдаёт по пять карт каждому игроку. Карты закрыты от соперника. Оставшиеся сорок четыре карты образуют резервную колоду и кладутся в центр стола рубашкой вверх.

— Вступительный взнос за каждую раздачу составляет пять жетонов. Если баланс участника опускается ниже этой отметки, он автоматически выбывает из игры из-за неплатежеспособности.

Стоило завучу упомянуть взнос, как сидевший позади Ю Сань жалобно зашептал Юй Шэню:

— Эти твари из Нового кампуса развели меня как последнего лоха! Сказали, что можно сыграть всего на один жетон... Ну я и повелся...

— И что, минимальная ставка во всех играх действительно пять жетонов? — тихо спросил Юй Шэнь.

— Да, — уныло протянул Ю Сань. — Я дурак, решил, что один-два жетона всё равно погоды не сделают, почему бы не рискнуть и не отыграться. А они... они обообрали меня до нитки! Это просто грабеж...

Под конец он шмыгнул носом, едва не плача. Юй Шэню пришлось похлопать его по плечу, чтобы хоть немного успокоить.

Тем временем завуч монотонно бубнил дальше:

— Процесс выглядит следующим образом. Первое слово предоставляется игроку с меньшим количеством жетонов на счету. Оценив свои карты, он делает ставку. Оппонент волен поддержать её, поднять ставку или объявить пасс.

Правила были стандартными, и завуч тараторил их без запинки. Смысл был прост: колл означал осторожную уверенность в своих силах; рейз — готовность идти ва-банк с сильной комбинацией на руках; а фолд — немедленный сброс карт и потерю стартового взноса.

— После завершения первого круга торговли игроки могут сбросить любое количество карт из руки и добрать столько же из колоды резерва. Лимит обмена — все пять карт.

— Всего допускается не более трех раундов торгов, после чего наступает обязательное вскрытие. Победитель определяется по старшинству собранной комбинации. Тот, чья рука окажется сильнее, забирает весь банк.

— Ты ведь знаешь покерные комбинации? — с надеждой спросил Ю Сань.

— Примерно, — коротко бросил Юй Шэнь.

— Ну и отлично! — Ю Сань облегченно вздохнул и глуповато улыбнулся. — В конце концов, это игра на чистую удачу. Главное — вовремя остановиться, когда начнешь выигрывать.

Юй Шэнь не удостоил его ответом.

Вскоре завуч пригласил соперников занять свои места. Юй Шэнь и Гао Хань устроились друг напротив друга за длинным игровым столом.

У Ю Саня и Фан Тин ладони взмокли от волнения, они до белизны суставов сжали кулаки. Болельщики из Нового кампуса, напротив, вели себя так, словно пришли на пикник — лениво переговаривались и залипали в телефонах. Лишь Лян Циншу, по-прежнему утопая в мягком кресле, не сводил с Юй Шэня пристального, изучающего взгляда.

Юй Шэнь протянул завучу свой смартфон. Тот приложил его к терминалу, и со счета списались первые пять жетонов. Гао Хань тем временем со звоном выставил на сукно пять увесистых пластиковых фишек и дружелюбно предложил:

— Если тебе больше нравятся настоящие фишки, их можно обменять в учебной части.

— Не нужно, — сухо отрезал Юй Шэнь. — Карман тянут.

— Ну ладно, ладно, я просто предложил. Какой же ты бука, — Гао Хань хмыкнул, мгновенно преобразившись, как только коснулся игрового сукна. Его движения стали быстрыми и уверенными. Он ловко подхватил со стола игральную кость. — Давай решим, кто сдаёт первым. На правах дилера, так сказать. Бросаем по очереди. Выпадет больше — сдаю я, меньше — ты.

— Погоди, — резко прервал его Юй Шэнь, как раз когда Гао Хань уже замахнулся для броска.

Гао Хань недоуменно завис с занесенной рукой.

— Что такое? Передумал играть?

— Нет, — Юй Шэнь принялся мерно постукивать пальцами по полированному дереву стола, буравя соперника ледяным взглядом. — Мне просто любопытно. Раз уж у нас есть крупье, с какой стати карты раздают сами игроки?

Действительно, при наличии нейтрального раздатчика в лице завуча это не имело никакого смысла.

Гао Хань на секунду растерялся.

— Ну... это же дуэль. У нас всегда так играют, традиция такая.

Юй Шэнь коротко и сухо усмехнулся. Вдруг он резко подался вперед, протягивая руку к кулаку соперника.

Это движение было настолько стремительным и агрессивным, что Гао Хань отпрянул, едва не перевернувшись вместе со стулом. Он попытался спрятать кость в кулаке, но Юй Шэнь точным, болезненным нажатием на предплечье заставил его мгновенно разжать пальцы. Игральный кубик послушно упал в чужую ладонь.

— Бля... — вырвалось у Гао Ханя.

В зале поднялся испуганный шепот. Студенты Старого кампуса и завуч ошарашенно уставились на Юй Шэня, ошеломленные его наглостью.

Юй Шэнь же с самым невозмутимым видом опустил обратно на стул. Он небрежно подбросил отнятый кубик на ладони и с издевательской ухмылкой произнес:

— То есть, по вашим великим традициям... право первой сдачи принято разыгрывать костями, у которых на всех гранях выбито не меньше четверки?

<http://bllate.org/book/19712/2000756>